

I. ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.112.2

Л. Ф. БИРР-ЦУРКАН

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКЕТНОСТЬ КАК ЖАНРОВАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ

Ключевые слова: эпистолярный жанр, этикетность, обращение, фатическая функция, адресат.

Статья посвящена исследованию этикетной функции как одной из основных функций эпистолярия. Предметом анализа послужили средства речевого этикета в эпистолярном наследии Г. В. Лейбница за 1702 год, а именно обращение, в том числе обращение на ты/Вы, использование титулов, уважительных эпитетов, регламентированное оформление начальных и завершающих пассажей писем („*Courtoisie*“). На примере писем Г. В. Лейбница можно судить об особенностях эпистолярного жанра в ранненовонемецком периоде.

L. F. BIRR-TSURKAN

St. Petersburg State University

ETIQUETTE AS A CHARACTERISTIC PROPERTY OF EPISTOLARY GENRE

Keywords: epistolary genre, etiquette, address, phatic function of language, addressee.

The article discusses the key role of etiquette function in epistolary genre. The author analyses means of speech etiquette in the 1702 epistolary heritage of G. W. Leibniz with an emphasis on forms of address. The formal/informal address (du/Sie), use of titles and epithets of respect are examined, as is *Courtoisie*, i.e. prescriptive code for the opening and closing paragraphs in letters. Leibniz's letters are used to exemplify features of epistolary genre in the Early New High German period.

Посредством переписки происходит письменное общение между автором письма и его адресатом, которые разнесены ~~ными~~ во времени и пространстве. Основными функциями эпистолярия традиционно считаются коммуникативная (общение), информативная (сообщение), прагматическая (воздействие), экспрессивная (самовыражение) и фатическая (установление контакта). При этом

основной, ключевой считается коммуникативная функция, так как эпистолярий «манifestирует сферу межличностного общения — взаимодействия двух или более субъектов, состоящего в обмене между ними сообщениями предметного или эмоционального характера и представляющего реализацию особой потребности в контакте с другими субъектами» [5, с. 16]. Остальные функции являются частными, причем, помимо указанных выше, могут выделяться и иные дополнительные функции. Так, например, А. В. Курьянович пишет о референциальной функции, когнитивной, эмоционально-оценочной, экспрессивной, метаязыковой, кумулятивно-трансляционной, этикетно-ритуальной, художественно-эстетической, функции самопрезентации и пр. Вместо прагматической функции предлагается, на наш взгляд, излишнее деление на более дробные: воздействующую, регулятивную и императивную функции [5, с. 13].

Для нашего исследования основной интерес, помимо коммуникативной функции, представляют фатическая и этикетно-ритуальная функции, которые тесно переплетаются друг с другом. Вероятно, можно также говорить о функции вежливости (как самостоятельной, так и в рамках этикетно-ритуальной функции).

Фатическая функция определяется коммуникативной целью автора письма, состоящей в установлении и поддержании контакта с адресатом. Основная роль при этом в переписке отводится обращению к адресату и подписи автора письма.

Этикетно-ритуальная функция обусловлена коммуникативной целью автора, заключающейся в установлении, поддержании или прерывании общения с партнером (то есть, собственно фатической функции) в соответствии с принятыми в обществе традициями и нормами речевого этикета.

Одним из важнейших структурно-стилистических признаков эпистолярного жанра, наряду с сочетанием в текстах признаков монологической и диалогической речи, использованием языковых средств, соответствующих сфере переписки, устойчивой композицией текста, является точное обозначение отправителя и получателя (обращение к последнему и подпись отправителя) и соблюдение речевого этикета с учетом фактора адресата, характера сообщения и национальных «эпистолярных» традиций [11, с. 627–628].

Речевой этикет, в свою очередь, определяется как «совокупность принятых обществом правил речевого поведения в соответствующую

щих сферах и ситуациях общения. Речевое поведение регулируется социальной иерархией, национальной культурой и этикетом, ритуалом, воспитанностью языковой личности, постоянной практикой, контролируемой сознанием» [11, с. 354]. Лингвистический энциклопедический словарь под редакцией В. Н. Ярцевой предлагает следующее определение: «Речевой этикет — система устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» [10, с. 413].

Недостаток приведенных выше определений видится в том, что они не содержат указания на историческую изменчивость речевого этикета, на связь его средств с определенным этапом развития общества. Речевой этикет социален, он возник и развивается под воздействием различных факторов общественного характера, является общественным продуктом и изменяется с изменением общества. «Речевой этикет представляет собой некий свод норм и правил, согласно которым строится общение и соответствующий инструментарий для исполнения этих правил — набор устойчивых ритуализованных единиц, понятных для носителей данного языка на данном этапе его развития, служащих для обеспечения контакта между коммуникантами согласно предписываемым этикетом нормам и правилам, а речевой ритуал есть применение этого свода норм и правил в определенной речевой ситуации» [3, с. 23].

Особая роль в речевом этикете отводится вежливости. Н. И. Формановская рассматривает ее как одну из «специализированных функций речевого этикета» [8, с. 13–15]. Многие исследователи обращают внимание на близость понятий речевого этикета и вежливости, так, например, А. Г. Балакай полагает следующее: «И вежливость, и этикет — суть внешние проявления доброжелательного отношения к окружающим. И вежливость, и этикет реализуются в ситуации непосредственного общения в координатах «я — ты — здесь — сейчас». Все вербальные и невербальные знаки вежливости суть знаки этикета. И все же современное понятие этикета несколько шире понятия вежливости. Если любое проявление невежливости <...> расценивается как нарушение этикета, то не всякое соблюдение этикета <...> воспринимается окружающими как вежливость» [2, с. 16]. Н. И. Формановская также от-

мечает, «что эти явления не покрывают друг друга, а лишь тесно взаимодействуют; не все то вежливо, что этикетно, но все, что неэтикетно, невежливо» [9, с. 405]. Х. Вайнрих также подчеркивает, что вежливым или невежливым может быть речевое или неречевое поведение¹ [21, S. 24]. Поэтому говорить о полном совпадении понятий вежливости и речевого этикета было бы неверно.

Основополагающим для определения вежливости является *face*-концепция С. Левинсона и П. Браун. Исследователи определяют *face* как публичный имидж, создаваемый представителем социума и поддерживаемым им в глазах его окружения² [13, p. 61]. Собственно, еще до Левинсона и Браун эта концепция была предложена Э. Гоффманом³ [15, p. 213]. В качестве синонима термина *face* предлагается также понятие имидж. Манфред Беетц видит в имидже социальную величину, придающую достоинство индивиду, которое этот индивид пытается всеми силами сохранить, укрепить и вновь обрести в случае утраты⁴ [12, S. 130].

Таким образом, *face* (лицо, имидж) представляет собой точку пересечения, сопряжения одного индивида с другим или другими и интеграции индивида в социум, и соблюдение правил вежливости подразумевает сохранение своего лица, имиджа и поддержание лица, имиджа партнера по коммуникации, а в случае переписки — адресата.

Письмо является одним из инструментов выражения вежливости и уважения. Основными элементами выражения уважительно-го отношения к адресату являются выбор соответствующего обращения, использование вежливых форм и формул приветствия/прощания.

¹ Ср.: «Höflichkeit ist ein sprachliches oder nichtsprachliches Verhalten, das zum normalen Umgang der Menschen miteinander gehört und den Zweck hat, die Vorzüge eines anderen Menschen indirekt zur Erscheinung zu bringen oder ihn zu schonen, wenn er vielleicht nicht vorzüglich sein will» [21, S. 24].

² Ср.: «the public self-image that every member [of a society] wants to claim for himself» [13, p. 61].

³ Ср.: «The term face may be defined as the positive social value a person effectively claims for himself by the line others assume he has taken during a particular contact. Face is an image of self delineated in terms of approved social attributes» [15, p. 213].

⁴ Ср.: «sozialer Wert, „der dem Einzelnen Würde verleiht, und den er in jeder nur denkbaren Interaktion zu wahren, zu befestigen und bei Verlust wieder zu erlangen sucht» [12, S. 130].

Подобно речевому этикету, эпистолярный имеет исторический характер, так как подразумевает соблюдение определенных правил написания письма, меняющихся со временем. «Как и любой вид человеческой деятельности, переписка развивалась постепенно по мере развития общества, приобретая определенные черты этого общества и впитывая дух соответствующего времени» [6, с. 6].

В качестве исследовательского материала для настоящей статьи использована переписка Готфрида Вильгельма Лейбница, изданная Берлинской и Гёттингенской академиями наук в 2012 году и имеющаяся в электронном доступе, а именно 21-й том (все примеры взяты из этого тома), который охватывает девять месяцев переписки Лейбница за 1702 год (447 писем). Часть немецкоязычных писем (21) написана самим Лейбницем, а другая часть (50) обращена к нему.

Прежде всего необходимо отметить, что традиционное построение письма — зачин, содержащий дату, место, приветствие и обращение; основная информативная часть, в которой сообщаются сведения, послужившие поводом для написания письма; концовка письма со словами прощания, просьбы, пожелания, подписью и иногда припиской [11, с. 629] — к началу XVIII века достаточно сформировалось. К этому времени можно говорить об уже трех четко прослеживаемых композиционных блоках. Это отмечается многими исследователями как на немецкоязычном, так и на русскоязычном материале [1, 14, 17, 18, 20].

Эпистолярный дискурс отличается высокой степенью ритуализованности и требует соблюдения определенных правил оформления письма.

Зачин письма (*Briefbeginn*) включает прежде всего *salutatio*, характеризующее как «точка опоры и отправной пункт письма, демонстрирующие отношение автора и его адресата, предопределяющие тон письма и уровень вежливости, в которых оно будет выдержано, и являющие собой решающую часть послания»⁵ [20, S. 310]). Составленное по правилам *salutatio* состоит из собственно формулы приветствия и обращения.

Особенностью эпистолярного жанра является его адресный и этикетный характер. Адресованность обеспечивается прежде

⁵ Ср.: «den sprachlichen Dreh- und Angelpunkt eines Briefes, der den Absender in Beziehung zum Adressaten setzt, die Stil- und Höflichkeitsebene vorprägt und nicht selten selbst bereits die entscheidende Briefbotschaft ist» [20, S. 310].

всего обращением. «Обращение — это функция служебной лингвистической единицы, заключающаяся в подчеркивании направленности текста в целом и отдельных его частей адресату, а также в установлении соответствий между представлениями адресанта и адресата о характере социально типизированных отношений между ними в процессе создания и восприятия текста» [4, с. 114–115]. С точки зрения А. М. Пешковского, «в формах обращения обнаруживается переплетение функций побуждения и привлечения внимания с функцией квалификации самого слушателя» [7, с. 407]. Обращение в эпистолярном жанре выполняет две функции: с одной стороны, оно является средством реализации адресного характера письма, а, с другой стороны, правильный выбор обращения обеспечивает соблюдение имеющегося у адресата и адресанта *face* (лица, имиджа), то есть через него реализуется этикетный характер письма.

В немецкоязычной переписке Г. В. Лейбница непосредственно с обращения к адресату начинается менее трети писем (а именно, 29). При этом обращение в начале письма может включать в себя указание на социальный статус (нейтральное *Herr* или конкретный титул) или на отношения адресата и адресанта (родственные или «производственные»), например:

- (1) *Hochedlgebohrner Hochgeehrtester Herr!* (Philipp Wilhelm von Hörnigk an Leibniz, 24. Dezember 1702, S. 767);
- (2) *Wohlgebohrner Herr etc. / sonders Hochgeehrter Herr Geheimbter Rath* (Friedrich Alhard von Oberg an Leibniz, 24. Juli 1702, S. 409);
- (3) *HochEdler Herr, HochgeEhrtester Herr Vetter und Gevatter, großer Patron,* (Johann Friedrich Freiesleben an Leibniz, 30. Oktober 1702, S. 598).

Как видно уже из приведенных выше примеров, обращения могут содержать различные эпитеты. Употребление эпитетов было также строго регламентировано, что отмечалось в существовавших в то время письмовниках.

Так, например, ссылаясь на издание 1729 г. письмовника И. Г. Нойкирха (Johann George Neukirch, *Akademische Anfangs-Gründe. Zur Briefverfassung.* Braunschweig. 1729), Кармен Фургер отмечает, что только для представителей светских сословий называлось пятнадцать различных уважительных эпитетов, например, «Hochwohlgeboren» соответствовал уровню «баронов, а так-

же благородных лиц знатного рода» («Freiherren und Barone sowie Edelleute adligen Standes»), а «HochEdelgeboren» отводилось «советникам на службе императора, короля или князя, а также бургомистрам крупных имперских городов» («Ratspersonen in kaiserlichen, königlichen oder auch fürstlichen Diensten sowie Bürgermeister von großen Reichsstädten»). К доцентам университетов, академий и гимназий употребляли обращения «HochEdler, Vest und Hochgelarter», «HochEdler und Hochgelarter» или просто «HochEdler», в то время как к «гофмейстерам на службе дворян и знати» («Hofmeister in adligen und vornehmen Anstellungen») следовало обращаться как к «HochWohlEdler und HochWohlgelarter», а эпитет «Edel» отводился «советникам в небольших городах и коммерсантам, а также людям искусства и представителям таких профессий как книгопечатникам, аптекарям, граверам или часовщикам» («Ratspersonen in kleineren Städten und Kaufleute, ebenso aber auch auf Künstler und Angehörige von Berufsgruppen wie den Buchdruckern, Apothekern, Kupferstechern oder Uhrmachern») [14, S. 109]. Далее К. Фургер отмечает зависимость обращения не только непосредственно от социального статуса адресата, но и от социальной иерархии, существовавшей между адресатом и автором письма. Например, «Hochgeehrter Herr» использовалось в том случае, если адресат и адресант занимали одинаковую общественную позицию, а «Günstiger» или «Gebietener Herr» вменялось использовать лицам рангом ниже адресата.

В исследуемой переписке эпитет «Hochgeehrter Herr» используется по отношению к Лейбницу в трех случаях:

- (4) *WohlEdler Insonders Hochgeehrter Herr Geheimter Justiz Rath*, (Johann Barthold Knoche an Leibniz, 20. Mai 1702, S. 10);
- (5) *Wohl gebohrner Herr Insonders Hochgeehrter Herr Geheimter Rath, / Hochgeneigter Patron* (Johann Theodor Jablonski an Leibniz, 25. April 1702, S. 198);
- (6) *Wohlgebohrner Herr etc. / sonders Hochgeehrter Herr Geheimbter Rath*, (Friedrich Alhard von Oberg an Leibniz, 24. Juli 1702, S. 409).

Во всех этих случаях эпитет «Hochgeehrter Herr» соседствует, с одной стороны, с эпитетами «WohlEdler» или «Wohlgebohrner», а с другой, с указанием на чин тайного советника («Geheim(b)ter Rath»). Йоханн Бартольд Кнохе (Johann Barthold Knoche) как минимум с августа 1697 года был слугой Лейбница, то есть говорить об

одинаковой общественной позиции адресата и адресанта нельзя. То же самое касается и Йоханна Теодора Яблонски (Johann Theodor Jablonski). Подробных данных о месте фон Оберга в социальной иерархии, кроме указания на то, что ему были пожалованы в лен две усадьбы в Брауншвейге, не сохранилось. Однако и примеры (4) и (5) позволяют усомниться в утверждении К. Фургер об употреблении эпитета «Hochgeehrter Herr» в случае занимания адресатом и адресантом исключительно одинаковой общественной позиции. Возможно, это объясняется более ранней датировкой переписки Лейбница, в то время как К. Фургер опирается в своем утверждении на более позднее издание письмовника.

Сам Лейбниц также использует эпитет «Hochgeehrte(r)» по отношению к своей племяннице Йоханне Регине Лейбниц и к сыну лейбврача короля Карла XI Густаву Жану Франсуа Лорману:

- (7) *WohlEdle, Hochgeehrte Jungfrau Muhme* (Leibniz an Johanna Regina Leibniz, 3. Mai 1702, S. 226);
- (8) *Hochwurdiger, Hochgeehrter H.* (Leibniz an Gustave Jean François Lohreman, 4. Mai 1702, S. 228).

Эпитет «Hochgeehrte(r)» очень часто используется в переписке в превосходной степени:

- (9) *HochEdelgeborner Herr Hochgeehrtester Herr und hochgeneigtester Patron.* (Philipp Helfrich Krebs an Leibniz, 10. Juni 1702, S. 304);
- (10) *Sonders Hochgeehrtester Patron* (Otto Mencke an Leibniz, 5. Juli 1702, S. 367);
- (11) *Hochgeehrtester Herr Gesandter Großwerthester Gönner* (Leibniz an Christoph Schrader, 2. Dezember 1702, S. 712).

Как видно из примеров, речь идет об обращении к покровителю или, во всяком случае, к лицу, от которого зависит решение той или иной проблемы (Patron/Gönner, то есть патрон/благодетель). Подобное усиление уважительных эпитетов может происходить и за счет употребления наречий «insonders» или «sonders» со значением «особенно» (см. выше примеры (2), (4), (5), (6), (10)).

Этикетную нагрузку имел не только выбор того или иного эпитета, но и графическое оформление обращения, занимало ли оно одну, две или три строки. Оформление обращения в зачине письма в одну или несколько строк диктовалось социальным статусом адресата и взаимоотношениями автора письма и его адресата: вы-

деляя для обращения две или три строки, автор письма хотел подчеркнуть свое особое уважение к адресату⁶:

- (12) *HochEdelGebohrner Herr, / HochzuEhrender Herr, und Hochgeneigter Gönner* (Daniel Ernst Jablonski an Leibniz, 4. April 1702, S. 145);
- (13) *Chur-Fürst. Durch. zu Braunschweig-Hannover hochansehnlicher Geheimbder Rath, / Hoch-Edler, Vest und Hochgelahrter, / mit kindlicher Liebe und unterthänigem Respect hochgeneigter Herr Vetter, und hoher Patron* (Johanna Regina Leibniz und Johann Caspar Westphal an Leibniz, 18. Mai 1702. Beilage zum Brief, S. 259).

Правила эпистолярного этикета начала XVIII века, вероятно, допускали использование сокращенных форм обращения, так как эти случаи весьма частотны в переписке Лейбница. Например, в письме к своему родственнику (Schwager) Райнердингу Лейбниц сокращает обращение «Herr» до начальной буквы, предшествующий ему эпитет до «Hochg.» (вероятно «Hochgeehrter»), а также вместо перечисления, вероятно, принятого набора эпитетов пишет после первого эпитета «etc.»:

- (14) *WohlEdler etc. insonders Hochg. H.* (Leibniz an Johann Thiele Reinerding (?), Anfang Mai 1702, S. 9).

Особый интерес представляет употребление обращения «Eure Excellenz». Оно ни разу не встречается в *salutatio* письма, а фигурирует только по ходу основной части письма или в его концовке. Правда, в тех случаях, когда начальное обращение в письме отсутствует и письмо, например, начинается с сообщения о получении или отправке предыдущей корреспонденции, эта форма может оказаться и в первых строках письма, например:

- (15) *Eurer Excellenz beyde Schreiben habe erst gestern erhalten, und, weil Sie mir befehlen, daß ich alles, was eclatiret, weiter berichten soll, ...* (Friedrich August Hackmann an Leibniz, 1. April 1702, S. 141);
- (16) *Ew. Excellenz Leztes Schreiben vom 9ten Decembr. habe von Ihre Dh. der Churfürstin Lacquaien wohl erhalten, und weiß ich nicht wie es den zugeht, mit den Brieffen, die Mademoisell Geelhof versprach mir, auff ihr Wort, daß Leztere Päckgen mit in der Churfürstin Durch. Pacquet mit einzuschließen, anitzo aber ersehe auß Ew. Excell. wer-testes Schreiben, daß daßelbe nicht geschehen, sondern daß es auff*

⁶ Знак «/» используется здесь и далее для обозначения переноса текста оригинала на следующую строку.

die Post gekommen, und es Ew. Excell. bezahlen müssen, woran ich aber nicht schuldig bin... (Johann Barthold Knoche an Leibniz, 16. Dezember 1702, S. 128–129);

- (17) *Anbefohlener maßen habe mich nach Ihro logiament verfüget, und wegen des von Ewr. Exc^{ce} zurückgeschickten Co ers nachgefraget, so ...* (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz, 16. September 1702, S. 69).

Как видно из примеров (16) и (17), кроме полной формы «Eure Excellentz», допускалась различная степень сокращения (Ew. Excellenz, Ew. Excell., Ewr. Exc^{ce}).

В большинстве случаев использование сокращенных форм обращения проявляет следующую тенденцию: при первом употреблении и непосредственно в концовке письма предпочтение все же отдается более полной форме, а в основной части письма допускаются более краткие формы (пример (18)), причем, если речь заходит о каком-то жизненно важном для автора письма моменте, решение которого зависит от адресата, то он переходит к более полной форме, вероятно, желая подчеркнуть свое уважение (пример (19)):

- (18) *Alhier übersende die übrige Abschriften von Herr Dannenberg; mit der Lezten Post habe meine Schriften bey H. Schlemm, auch an Ew. Excellentz geschicket, welches Ew. Excell. Zweifels ohne werden bekommen haben, <...> weill ich es nun schon eine geraume Zeit außgestanden, etc. Ew. Excell. thue auch zu wissen <...> Wann also Ew. Excell. befehlen, daß ich soll Zucker dazu kauffen, und <...> Im Übrigen empfehle Ew. Excellentz in Gött. protection und verharre ...* (Johann Barthold Knoche an Leibniz, 18. Oktober 1702, S. 85–86);
- (19) *Des Herrn Geheimbden Raths Excellentz Schreiben vom 13. und 15. Juni habe wohl 5 erhalten und <...> weil gemerket, daß Ew. Exc. ein solches vielleicht gefallen möge <...> auch ohne speciale permission Ew. Exc. nicht stat geben werde. <...> ich möchte aber vor erst von Ew. Exc. wissen <...> Er hat sehr bedauert, daß er Ew. Exc. nicht gesprochen. <...> Ich möchte gerne wissen, ob Ew. Excellentz mich auch nach absolvirung meines pensi auf condition, wie bißher geschehen, behalten wolten, worüber ich vergnügt seyn würde. <...> wo nicht Ew. Excellentz einmahl mir ihrer Gütigkeit nach unter die Armen greiffen. <...> Wenn ich wüste daß es mir an einem verleger nicht fehlen sollte, so wolte mich nach schließung der Monathe, wofern es Ew. Excellentz gut hieß, an mein längst im Kopfe concipirtes systema genealogicum*

machen und in Gottesnahmen es stückweise außzufertigen den anfang machen. Ich erwarte Ew.Excell. gedancken über die-ses, und hoffe <...> und würde mich glücklich achten wo von Ew.Exc. etwas erhalten könnte. <...> Womit verharre Ew. Excellentz gehorsamster diener Eckhart (Johann Georg Eckhart an Leibniz, 23. Juni 1702, S. 31–34).

Манфред Беетц отмечал, что именно в силу потенциальной опасности для имиджа адресата со стороны обращения участник коммуникации, занимающий более низкое социальное положение, должен компенсировать эту потенциальную опасность, используя так называемые сигналы дистанции⁷ [12, S.205]. К подобным «сигналам дистанции» относятся формы местоимений вежливого обращения. В переписке Лейбница в качестве вежливых используются формы, омонимичные личному (или притяжательному) местоимению 2-го либо 3-го лица множественного числа. В приведенных выше примерах используется форма «Eure Excellentz». Однако в ряде случаев в этой же формуле используется притяжательное местоимение Ihr. Так, например, Й. Б. Кнохе заканчивает свое письмо Лейбницу от 20 мая 1702 года следующими словами:

(20) *Übrigen verbleibe / Ihr Excellentz getreuer Diener / Joh. Bart. Knoche.*

И далее, в приписке:

Ihre Sachen werde ich schon in Acht nehmen... (Johann Barthold Knoche an Leibniz, 20. Mai 1702, S. 11).

При этом формы 2-го и 3-го лица могут соседствовать в рамках одного письма:

(21) *Anbefohlener maßen habe mich nach Ihro logiament verfüget, und wegen des von Ewr. Exc^{ce} zurückgeschickten Coffers nachgefraget, <...> Die eingelaufene brieffe kommen hiebey, und habe ich die vier mit eingekommene Hamburgische zeitungen bis zu fernerer Ihrer verordnung zurück behalten.* (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz, 16. September 1702, S.69);

(22) *Eß kombt hiebei der Catalogus nebst dem auff das paqvet gefügten brieffe, von welchem Ewr. Exc^{ce} in dem, am 26. hujus datirten erwehung gethan; <...> ich bis Ihro wiederkunft bey mir behalten will*

⁷ Cp.: «Gerade weil die Anrede eine potentielle Imagebedrohung für den höheren Adressaten bedeutet, muß sie der Rangniedrigere durch Distanzsignale kompensieren» [12, S.205].

- <...> bey meiner nachfrage des Catalogi halber <...>, daß Dr Berens aus Hildesheim ebenfalß einen paquen an **Ewr. Excell.** haltend bei Sie einreichen laßen, welchen Sie ebenmäßig bis zu **Ihrer** rückkunft an sich behalten wollen. (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz, 30. September 1702, S. 61-62);
- (23) Also werden **Ew. Excell. Ihre** Meynung hier überschreiben, wie man es mit den Kirschen machen soll. (Johann Barthold Knoche an Leibniz, 21. Oktober 1702, S. 91);
- (24) ... also bitte ich **Ew. Excell.** hiermit gehorsamst, weill nicht ein stück Holtz allhier mehr vorhanden, daß sie doch wollen ein Zettel an den Cammer Fourier mit überschicken, damit ich doch ein fuder bekommen kann, bis **Ew. Excell.** wieder kommen <...> Frau von Luden, verlanget ehe sie antw. von **Ew. Excell.** bekommt wegen Mons. Eckart seiner stube, <...> ob es **Ihr. Excell.** selber behalten wollen ... (Johann Barthold Knoche an Leibniz, 29. Oktober 1702, S. 94-95);
- (25) Es sind die bücher in einem paqvete aus Holland nuhn gestern einst arriviret, und in **Ewr. Excell.** behausung eingeliefert, Und wie ich nun vermuhete, daß **Sie** bald wieder anhero kommen werden ... (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz, 2. Dezember 1702, S. 123).

Анализ переписки Лейбница позволяет предположить, что к этому времени в качестве свободно употребляемой формы вежливого обращения уже закрепляется форма, омонимичная 3-му лицу множественного числа. Что касается формы, омонимичной 2-му лицу множественного числа, преобладавшей на более ранних этапах развития немецкого языка, то она пока сохраняется в устойчивых формах типа «Eure Excellentz», но уже и здесь иногда проявляется форма 3-го лица, что прослеживается в примерах (20) и (24). Свидетельством постепенной грамматикализации формы 3-го лица множественного числа в качестве вежливой можно рассматривать также употребление формулы «Eure Excellentz» с глагольными формами множественного числа (например, *bis Ew. Excell. wieder kommen* или *ob es ihr. Excell. selber behalten wollen* в примере (24)).

Пример (22) интересен также своим упоминанием 3-го лица, по отношению к которому также используется вежливая форма *Sie*, а не *er* (... *bei Sie einreichen laßen, welchen Sie <...> an sich behalten wollen*).

При упоминании третьих лиц соответствующего княжеского происхождения в переписке часто встречается германское титуло-

вание *Durchlaucht* (светлость), как правило в сокращенной форме, например:

- (26) ...*wenn S. Dh. Hertzog Ant. Ul. sich in der güte mit Uns setzen will. Der Inhalt desselben ist dieser, daß hochgedachte S. Durch. sich ihrer Regierung gänzlich begeben, und S. D. H. R. A. selbige einzig und allein wieder übernehmen sollen ...* (Friedrich August Hackmann an Leibniz, 1. April 1702, S. 142).

Анна Кречмер, исследовавшая русскую частную корреспонденцию XVII и начала XVIII веков, отмечала, что эпистолярные формулы бывают двух видов — начальные формулы и формулы концовки письма, причем начальные формулы имеют более устойчивую структуру и их употребление является более обязательным, чем употребление конечных формул⁸ [18, S. 74]. То же самое можно сказать и относительно немецкого эпистолярного жанра. Тем не менее, конечные формулы выполняют немаловажную роль для реализации этикетной функции.

Концовка письма включает в себя так называемую *Courtoisie*. Эта часть письма начиналась, как правило, с фразы типа «*ich verharre mit allem ersinnlichen Respest*», в которой автор письма заверяет адресата в своей преданности, верности, дружбе. Затем следовало повторение обращения к адресату, например, «*Ewr. Excellenz*», и почтительная подпись автора:

- (27) *Womit verharre Ew. Excellenz gehorsamster diener Eckhart.* (Johann Georg Eckhart an Leibniz, 23. Juni 1702, S. 34);
- (28) *alstets verharrend Ewrer Excellence Unterthänigst gehorsamster Conrad Iohan Dannenberg.* (Conrad Johann Dannenberg an Leibniz Hannover, 5. September 1702, S. 61);
- (29) *Ich verbleibe zeitlebens Monsieur Sein wohlaffectionirter Anthon Ulrich.* (Herzog Anton Ulrich an Leibniz Wolfenbüttel, 19. Dezember 1702, S. 131);
- (30) *der ich bey trewer Empfehlung in Göt. obhut verharre Ew. HochEdelgebohren Meines HochgeEhrtisten Herren Gebet- und dienstergebenster Diener D. E. Jablonski.* (Daniel Ernst Jablonski an Leibniz, 4. April 1702, S. 147).

⁸ Cp.: «Die gesamte Briefformel besteht aus zwei gut zu unterscheidenden Teilen: der Anfangs- (im folgenden AF) und der Schlußformel (SF), wobei die AF gewissermaßen das Kernstück ist; sie weist eine festere Struktur auf, und auch ihr Gebrauch ist in höherem Maße verbindlich als der der SF.» [18, S. 74].

Графическое расположение подписи также несло в себе этикетную нагрузку: чем дальше от центра строки, тем более подчеркнuto уважительным было отношение к адресату, например:

- (31) ... *meine unterthanigste devotion zu vermelden, der ich iederzeit verbleibe / Meines insonders Hochg. H.----- dienstergebenster -----*
-- G. W. L. (Leibniz an Johann Thiele Reinerding (?), An-fang Mai 1702, S. 10);
- (32) *Ubrigen verbleibe / Ihr Excellenz getreuer Diener ----- Joh. Bart. Knoche.* (Johann Barthold Knoche an Leibniz, 20. Mai 1702, S. 11).

Итак, письмо является одним из инструментов речевого этикета, и этикетный характер может рассматриваться как одна из жанровых особенностей эпистолярного жанра. Основными элементами эпистолярия, которые служат для выражения вежливого отношения автора к адресату, являются обращение к адресату в начале письма и в его основной части, дихотомия *sie (ihr)/du* и концовка письма с формулами-пожеланиями или благословениями, заверениями в верности и подписью автора письма. На этикетность эпистолярного жанра существенное влияние оказывают внеязыковые факторы, такие как

- социальный статус, причем важен не только социальный статус адресата письма, а соотношение социальных статусов отправителя и получателя;
- наличие родственных отношений между отправителем и получателем;
- цель, тема письма, то есть написано ли оно ради выражения некой просьбы, благодарности, протекции, инструкции и т. д.,
- временной фактор, то есть та эпоха в истории эпистолярного жанра, к которой относится конкретная переписка.

Литература

1. Акишина, А. А., *Формановская, Н. И.* Этикет русского письма. 5-е изд., испр. и доп. М: Русский язык, 2007..
2. Балакай, А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: автореф... докт. филол. наук / Новокузн. гос. педаг. ин-т. Новокузнецк, 2002. 40 с.
3. Бирр-Цуркан, Л. Ф. Единицы речевого этикета и их функционирование в средневерхненемецком языке: дис... канд. филол. наук. СПбГУ. СПб., 2007.
4. Гольдин, В. Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1987.

5. Курьянович, А. В. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике. Томск: Изд-во Томск. гос. педаг. ун-та, 2013.
6. Силаева, Н. В. Лингвопрагматический анализ экспрессивности эпистолярного текста (на материале английской частной переписки XVIII-XIX вв.): автореф. дис. ... д-р филол. наук. Самар. гос. педаг. ун-т. Самара, 1999. 22 с.
7. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001.
8. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет. Лингвистический и методический аспекты. 3-е изд. М.: Ком-Книга, 2006.
9. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007.
10. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. Москва: Флинта; Наука, 2011.
12. Beetz M. Frühmoderne Höflichkeit. Komplimentierkunst und Gesellschaftsrituale im altdeutschen Sprachraum. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1990.
13. Brow, P., Levinson S. C. Politeness. Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
14. Furger C. Briefsteller. Das Medium „Brief“ im 17. und frühen 18. Jahrhundert. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2010.
15. Goffman E. On face-work: An analysis of ritual elements in social interaction // *Psychiatry*. 1955, Aug. Vol. 18 (3) . P.213–231.
16. Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe: in 24 Bden / hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften und Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Erste Reihe. Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. 21. Berlin; Göttingen: Akademie-Verlag Berlin, 2012.
17. Nickisch R. M. G. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969.
18. Kretschmer A. Zur Geschichte des Schrifterussischen. Privatkorrespondenz des 17. und frühen 18. Jahrhundert. München; Berlin; Washington D.C.: Verlag Otto Sagner, 1998.
19. Paravicini W. Höfe und Residenzen im spätmittelalterlichen Reich: Hof und Schrift, Residenzenforschung 15. III. Ostfildern: Thorbecke, 2007.
20. Vellusig R. Schriftliche Gespräche. Briefkultur im 18. Jh. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 2000.
21. Weinrich H. Lügt man im Deutschen, wenn man höflich ist? Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut, 1986.

References

1. Akishina, A. A., Formanovskaya, N. I. *Etiket russkogo pisma [Etiquette of Russian letters]*. Moscow, “Russkii iazyk” Publ., 2007. (In Russian)
2. Balakai, A. G. *Russkii rechevoi etiket i printsipy ego leksikograficheskogo opisania*. Autoref. diss. ... dokt. filol. nauk [*Russian etiquette and principles of his lexicographical description*]. Thesis of Dr. philol. sci. diss.]. Novokuznetsk, 2002. (In Russian)

3. Birr-Tsurkan, L. F. *Edinitsy rechevogo etiketa I ikh funkcionirovanie v sredneverkhnenemskom iazyke*. Diss... kand. filol. nauk [Speaking etiquette units and function of them in Middle High German. Diss. of PhD]. St. Petersburg, 2007. (In Russian)
4. Goldin, V. E. *Obrashchenie: teoreticheskie problemy* [Address: theoretical problems]. Saratov, Saratov University Publ., 1987. (In Russian)
5. Kutyanovich, A. V. *Teoreticheskiye voprosy izucheniya epistolaria v sovremennoi lingvistike*. [Theoretical issue of epistolary study in the modern linguistics]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gos. universiteta, 2013. (In Russian)
6. Silaeva, N. V. *Lingvopragmaticheskii analiz expressivnosti epistolarnogo teksta (na materiale angliiskoi chastnoi perepiski XVIII–XIX vekov)*. Autoref. diss. ... dokt. filol. nauk [Linguistic pragmatic analysis of epistolary text (on the material of English private correspondence of 18th–19th century)]. Thesis of Dr. philol. sci. diss.]. Samara, 1999. 22 p. (In Russian)
7. Peshkovsky, A. M. *Russkii sintaxis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in scientific interpretation]. Moscow, "Iazyki slav'anskoi kul'tury" Publ., 2001. (In Russian)
8. Formanovskaya, N. I. *Russkii rechevoi etiket. Lingvisticheskii i metodicheskii aspekty* [Russian speaking etiquette. Linguistic and methodic aspects]. 3rd ed. Moscow, 2006. (In Russian)
9. Formanovskaya, N. I. *Rechevoe vzaimodeistvie: kommunikatsia i pragmatika* [Talk exchange: communications and pragmatics]. Moscow, IKAR Publ., 2007. (In Russian)
10. *Boľshoi entsiklopedicheskii slovar'. Iazykoznanie* [Great Encyclopedic Dictionary. Linguistics]. Ed. by V. N. Jartsev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1990. (In Russian)
11. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of Russian]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. (In Russian)
12. Beetz, M. *Frühmoderne Höflichkeit. Komplimentierkunst und Gesellschaftsrituale im altdutschen Sprachraum*. Stuttgart, J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1990. (In Russian)
13. Brown, P., Levinson, S. C. *Politeness. Some universals in language usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987.
14. Furger, C. *Briefsteller. Das Medium „Brief“ im 17. und frühen 18. Jahrhundert*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau, 2010.
15. Goffman, E. *On face-work: An analysis of ritual elements in social interaction*. In: *Psychiatry*, 18 (3), (Aug.) 1955, pp. 213–231.
16. Leibniz, G. W. *Sämtliche Schriften und Briefe; hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften und Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Erste Reihe. Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel*. Bd. 21. Berlin, Göttingen: Akademie-Verlag Berlin, 2012.
17. Nickisch, R. M. G. *Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1969.
18. Kretschmer, A. *Zur Geschichte des Schrifrussischen. Privatkorrespondenz des 17. und frühen 18. Jahrhundert*. München, Berlin, Washington D.C., Verlag Otto Sagner, 1998.
19. Paravicini, W. *Höfe und Residenzen im spätmittelalterlichen Reich: Hof und Schrift*. In: *Residenzenforschung* 15. III. Ostfildern, Thorbecke, 2007.

20. Vellusig, R. *Schriftliche Gespräche. Briefkultur im 18. Jh.* Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2000.

21. Weinrich, H. *Lügt man im Deutschen, wenn man höflich ist?* Mannheim; Wien; Zürich, Bibliographisches Institut, 1986.

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ,

кандидат филологических наук,

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Lilia Birr-Tsurkan

Associate Professor of German Philology Department,

St. Petersburg State University,

Doctor of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg State University,

E-mail: l.birr-tsurkan@spbu.ru